

ДОМ ЕСТЬ ЯЗЫК ЖИТИЯ ПРИ ПРОСЕЛКЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ВОПРОШАНИЙ. ПОСЛЕ 120-й ГОДОВЩИНЫ КОНЧИНЫ СТРАДАНИЙ Ф. НИЦШЕ, К 220-ЛЕТИЮ ПОСЛЕДНЕЙ ВЕСНЫ НОВАЛИСА И 45-ЛЕТИЮ ВЕСНЫ ИСХОДА М. ХАЙДЕГГЕРА

Морозов И.В.

*Учреждение образования «Белорусский государственный
университет культуры и искусств», Минск*

Социокультурные пертурбации последнего столетия закономерно вызвали обстоятельную философско-культурологическую рефлексию, поскольку выявились весьма неблагоприятные последствия для отдельной личности, культуры в целом. В определение их истоков и существа выдающийся вклад внесен зачинателями «философии жизни» (Ф. Ницше) мощной волны экзистенциализма, феноменологии М. Хайдеггера. Его учение о Бытии, особенно о роли и значении языка, названного «Домом Бытия», поныне имеет непреходящее значение, подвигая углубленное изучение культуры и искусства. Посредством принятия этих реалий в качестве предмета исследования определена цель настоящей статьи – нахождение новых аспектов, трактовок прославленного учения методами аналитической и компаративной герменевтики. При этом предпринята попытка его развития через введение в исследовательский дискурс понятие «Житие». В результате раскрывается эволюционная преемственность воззрений Ф. Ницше и М. Хайдеггера в рассмотрении феноменов культурогенеза, характеризуются образы Дома, Проселка как лингво-архетипические, устанавливается их совместное участие в жизни языка, речи, в плодотворности понимания мыслей и текстов в качестве метаэкзистенциалов.

Ключевые слова: М. Хайдеггер, Ф. Ницше, бытие, житие, культура, экзистенциал, язык, речь, вещь, архетип, дом, проселок.

(Искусство и культура. – 2021. – № 2(42). – С. 72–79)

HOME IS THE LANGUAGE OF LIFE AT THE LANE OF POETIC QUESTIONING FOLLOWING THE 120TH ANNIVERSARY OF THE END F. NIETZSCHE'S SUFFERINGS, TO THE 220TH ANNIVERSARY OF NOVALIS'S LAST SPRING AND THE 45TH ANNIVERSARY OF THE SPRING OF M. HEIDEGGER'S PASSING AWAY

Morozov I.V.

Education Establishment "Belarusian State University of Culture and Arts", Minsk

Social and cultural perturbations of the last century naturally resulted in substantial philosophic and cultural reflexion since rather unfavorable consequences for the individual and culture on the whole manifested themselves. In finding out their sources and essence an outstanding contribution was made by the founders of the philosophy of life (F. Nietzsche), of the powerful wave of existentialism, phenomenology (M. Heidegger). His study of Being, especially of the role and the meaning

Адрес для корреспонденции: e-mail: ivm2010@rambler.ru – И.В. Морозов

of the language, which was called *Home of Being*, is still of great significance, thus contributing to profound studies of culture and art. Accepting these realia as the research object we identified the purpose of the article which is finding out new aspects and interpretations of the outstanding teaching by means of the methods of analytical and comparative hermeneutics. An attempt is made to develop the teaching by introducing the notions of *Life* into the research discourse. As a result, evolutionary continuity of F. Nietzsche's and Heidegger's ideas is revealed in the study of the phenomena of cultural genesis; the images of *Home and Lane as linguistic archetypes are characterized; their joint participation in the life of the language, speech, in fruitfulness of understanding thoughts and texts as metaexistentials is revealed.*

Key words: M. Heidegger, F. Nietzsche, Being, Life, culture, existential, language, speech, object, archetype, home, lane.

(*Art and Cultur.* – 2021. – № 2(42). – P. 72–79)

...Он, изгнанный судьбой и людским варварством из родного дома, вынужденный скитаться по чужим краям, смолоду узнавший горечь отчуждения, но вопреки этому таивший в сердце жажду любви, жажду пробиться из жесткой, сковывающей его оболочки в дружественную стихию...

Гельдерлин. «Гиперион»

Отчаянная тревога за судьбу человеческого в человеке послужила появлению и становлению «философии жизни», экзистенциализма, феноменологии. Они – безусловный ответ на вызов индустриально-потребительского общества с его догматом гуманитарного безразличия к миру, с отчуждением человека от его же самости. На это О. Шпенглер среагировал «Закатом Европы», обозначившим антагонизмом Цивилизации и Культуры, приведшим к оскудению картины мира, деградации языка, или, по сути, бытия человеческого. Потому как «лучший способ отобразить крушение общества в кризисную эпоху – это наблюдать за изменениями языка...» [1]. Признание сего факта не могло не вызвать обильные волны тревожных вопрошаний мировоззренческого, парадигматического характера...

Истоки экзистенциального ответа. У Мартина Хайдеггера вопрошание было страстью с детства, а найденные ответы лишь поднимали вопрошания на новую ступень познания Бытия. И умысел этого восхождения все более высвечивался желанием вернуть жизни ее тайну – тайну, которая на глазах нескольких поколений оказалась на грани исчезновения, словно разгаданная загадка, после чего удручает ощущение лишения сопричастности к волнующим секретам человеческого существования [2, с. 19].

Проникновение в кладезь этих секретов стало возможным с реабилитацией уважения к языку. Поскольку всякое понимание, осмысленная ориентация в пространственно-временном континууме, согласно А. Шлейермахеру, должны браться из языка [3]. Так что без языка невозможны ни жизнь, ни сознание, ни мышление, ни чувства – осуществление самого

человека-миротворца. Отсюда красноречивое откровение: «Язык есть дом бытия» [4, с. 192].

Бытие – этот феномен стал для мыслителя сутью его мыслительно-поэтического существования себя-в-мире. Посему-то Бытие, *Dasein*, им трактуется не как сумма-собрание отдельных, «не как бытие-вообще» – но свое собственное [5, с. 53].

«Самым чудесным и вечным феноменом является наше собственное бытие. Величайшей тайной для человека является он сам» (Новалис).

Уникальное Бытие человеческое Хайдеггер называл экзистенцией (от лат. *existentia* – «существование»), которая тем не менее является не в нигилизме отшельничества, но в фактической жизни, посредством бытия-в-мире, в ситуативности «раскрытия в мире». Тогда-то и дают о себе знать «бытийные черты» – экзистенциалы, которые «надо четко отделять от бытийных определений», именуемых категориями [4, с. 5]. Ведь эти, до конца неизъяснимые черты-смыслы врожденные, сродни «априорному знанию» И. Канта, – архетипичны. И только обладая подобным уникально-универсальным качеством, «бытийные черты» способны и призваны выказать, предъявить чувству-пониманию все, на что мощны они. А способны они на многое. «Тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов... он подымает изображаемое им из мира единократного и преходящего в сферу вечного; притом и свою личную судьбу он возвышает до всечеловеческой судьбы...» [6, с. 40]. По заслугам, значит, соответствующие эпитеты-синонимы архетипов: «коллективный осадок исторического прошлого», «коллективное бессознательное», и что особенно важно – «моменты самой жизни», «типичный способ понимания»...

Так и у Хайдеггера «бытийные черты» – априорные, конститутивные характеристики конкретного существования человека, среди которых выделяются: бытие-в-мире (*In-der-Welt-Sein*), бытие-с-другими (*Mit-Sein*), открытость (*Offenheit*), расположенность (*Befindlichkeit*), понимание (*Verstehen*), речь (*Rade*).

Речь при этом преподносится вполне традиционно – предполагает произнесение членораздельных звуков, будь то в совершении говорения или временном не совершении – в молчании, или при неспособности к тому – в немоте. И она отождествляется с языком, ибо «язык – это “язык”, исходящее из уст». «Язык не может реализовать себя иначе, чем через говорящего языком человека» [4, с. 260].

Закономерный парадокс языка-речи. Откуда тогда столь, казалось бы, странная метафора, наложенная на язык, ведь «в отличие от обычного дома, язык не воспринимается в самой его сути»? Потому как «язык – это не только совокупность лексики и грамматики, это живая речь», преисполненная богатством интонаций, вариациями и звука-тишины [7]. А дом как достояние зодчества зримо-осязаемое строение никак не заставить за голошением, не заподозрить в вербальном смысле-воле-изъявлением...

Не является ли это противоречие должным, насущным, выстраданным?..

...Мир детства Мартина Хайдеггера – это маленький покосившийся дом причетника на Церковной площади патриархального католического городка Мескирх. Здесь и тогда отроку завещалось идти по стопам отца и быть-остаться католическим священником, обитая среди молитв и исповеданий, гласно-негласных нравоучений и наставлений из кроткой доверчивости изрекаемого Слова...

Не отходя от дома, где «глаза и руки матери были всему границей и пределом», можно было лицезреть вид на старинный замок. А от него – на поля, отороченные проселком, умиротворенным своим извечным странствием по родной близости, вторением натуре местных жителей – алеманам и швабам – с гармоничным сочетанием медлительности, практичности, рассудительности и жизнерадостности, открытости, мечтательности.

Незадолго до переезда в Марбург Хайдеггер приобрел в Тодтнауберге небольшой участок земли, на котором построил весьма скромную «хижину», и так нашел-доверился второй дом, благоденствующий возможностью уединения, бегства-затаивания от взбалмошного мирского преследования. По времени-сроку «хижина» стала «роддомом» достойного детища – «Бытия и времени».

Узкий круг студентов-адептов «тайного короля философии» допускался в «хижину». Тогда ее, нарочито тесную, как мог, выручал скромный двор. На праздник солнцестояния в долину скатывали огненные колеса, и Хайдеггер напутствовал их крепким словом. Иногда на лугу выше хижины разжигали

огромный костер и молодой профессор, заповедный католик погружал всех в речь, словно жрец-шаман при капище, зачастую отсылая разговор к своим любимым грекам-язычникам, к языку человеколюбивой мудрости... [2].

Поэтому-то так болезненно были в итоге восприняты подавляюще-агрессивные зазывы пылких демагогов, неистовых трибунов, речевателей-глашатаев, наставляющих на единственно правильное магистральное направление в якобы благодатно-светлое будущее с культом машин-автобанов. Явно высвечивались пророческие предупреждения об «унизительном действии машин» (Ф. Ницше):

«Машина безлична; она отнимает у предмета труда его гордость, его индивидуальные достоинства и недостатки... и таким образом как бы лишает его немножко человечности». Прежде, всякая вещь «служила отличием для людей, домашняя утварь и одежда были, таким образом, символом взаимной оценки и личных отношений; тогда как в настоящее время мы, по-видимому, живем в анонимном и безличном рабстве» [8, с. 69].

В итоге – максимально радикальное заключение: «Бог убит!.. И мы его убили!» [9, с. 61]. Это преступление против человечности, провоцирующее равнодушную отчужденность, духовную немощь и потому не имеющее срока давности. «Убивать – этим подразумевается здесь устранение людьми сущего сам по себе сверхчувственного мира» [10, с. 171].

Отклик этому чувству-убеждению Хайдеггер находит в поэтике Гельдерлина, дабы понять сущность «божественного», уже не присутствующего в современной ему жизни-языке и той «политике», которая возвышается над делами повседневности. В многолетнем страждущем вопрошании к такому Бытию «заброшенности» неминуемо открытие: «Все временные и пространственные дали сжимаются... Человек преодолевает длиннейшие дистанции за кратчайшее время... Но спешное устранение всех расстояний не приносит с собой никакой близости; ибо близость заключается не в уменьшении отдаленности». Обнаруживается, казалось бы, парадоксальное: «из-за устранения больших расстояний все встает в одинаковой дали и одинаковой близости». В итоге устраивается «единообразие, где все ни близко, ни далеко, словно лишилось дистанции». При этом близость феноменальна, ибо ее «невозможно непосредственно обнаружить». И только посредством ее возвещения она становится фактической и постигаемой. Поэтому «близко к нам то, что мы обычно называем вещами» [4, с. 316].

И дабы развить эту мысль до должной увещательности, Хайдеггер не находит ничего более близкого из вещающего, нежели чаша. И обнаруживает в ней гораздо большее нежели «вещь в качестве емкости», в чем мы убеждаемся всякий раз, когда наполняем чашу, выявляя ее вместительность. Ведь «вещественность емкости покоится вовсе не в материале, из которого она состоит, а во вмещающей пустоте». А она не однозначна, ибо вмещает двояким образом: приемля и содержа». «Поднести чашу – значит одарить кого-то ее содержимым... В подношении полной чаши одновременно пребывают земля и небо, божества и смертные» [4, с. 320].

Вот только при «научном рассмотрении» наполнение чаши означает смену одного наполнения на другое. Так вещь чаша делается «чем-то ничтожным, не допуская вещи самой по себе существовать в качестве определяющей действительности» [4, с. 319]. Научное знание невольно приговаривается как «убийца» слова-языка: оно «уничтожило вещи как таковые... Вещественность вещи остается потаенной, забытой. Существо вещи никогда не дает о себе знать, т.е. ему не дают слова». И это притом, что замысловатой игре мира «само веществование ладно, и всякая присутствующая вещь легка, не приметно льнет к своему существу. Ладна вещь: чаша и стол, мост и плуг. Но по-своему тоже вещи – ель и пруд, ключ и холм...» [4, с. 327].

Эзистенция Дома-языка. И в этой безмерной череде вещей-вещевателей не назван Дом?! Хотя все бытийственные экзистенциалы присущи ему. Так, искони Дом выдает то, что человек укоренился в Бытии, и гордо вещает о том, как о событии бытия-в-мире (In-der-Welt-Sein), бытия-с-другими (Mit-Sein), не смешиваясь и сохраняя свою уникальную вещевательность.

Дом – «глас вопиющего в пустыне», в безмолвии «ничейного» пространства и немого времени. Он – первая вежа распростираания мира людей, изначальная аура Бытия, где «я» впервые о-веществляется с «мы» и дает произрастание семье, роду, фамилии, человечеству...

Отсюда «открытость» (Offenheit) Дома как приращение миру и пониманию. Ее экзистенциальный смысл выражен в трех основных экзистенциалах: «расположенность», «понимание», «речь» [11, с. 69–74].

«Расположенность» (Befindlichkeit) Дома – обязательность *находимости* (die Befindlichkeit), пребывания в *определенной* фактической небесмысленной, следовательно, понимаемой и доступной артикуляции ситуации [11, с. 52–54].

Правда, для выражения всего ситуативно-вещательного содержания Дома априори не хватает не хватает слов. Поскольку Дом одновременно про-воз-глашает при-бытие и у-бытие, вы-бытие и за-бытие, не-бытие и со-бытие... И несравненно богаче в выражениях, нежели чаша бытийствует приемля и содержа, отпуская и сохраняя, провожая и ожидая, надеясь и отчаиваясь, любя и веруя...

В этом и есть феноменальная языковая предрасположенность Дома к неуловимой вибрации воображения и душевных фибр. «Если мы принимаем развитие языка как факт, то нетрудно будет сказать, что человеческие души – это дар языка человечеству» [12, с. 370].

Вещающее строение Дома есть источник и плод настроения его творца-обитателя, для которого находимость Дома означает сущностно большее, нежели определенность пространственного, топографического местоположения. Она отмечается на виртуально-ментальных, образно-символических картах, недоступных близорукой «прозе бытия».

*Но есть поэзия, что мыслит – это истинная топология у Бытия.
И топология подскажет Бытию,
где его истинное место¹.*

Или благое место Дома, вытаскивающее его у-местость не только здесь-и-сейчас, но и где-либо и когда-либо с обозначением себя на хронографических картах как существующее место-имение, как присутствие в разной степени свое-временное и со-временное.

Так Дом подвигает к вопрошанию, никогда не запирая дверь всевозможностям, просвету мысли для своего изменения согласно актуальной воле-промыслу, «бытийному пониманию», означающему, что человек «стоит в открытом проекте бытия... и испытывает такого рода понимание» [9]. Оно же ответно испытывает на способность предвидеть, промыслить, предчувствовать... Дабы принимать решение, которое однонаправлено в «затем», «потом», «тогда, когда»... – в не защемленное насущным опытом будущее. Распускаясь возможностью оно отваживается на темпоральную пролонгацию, на сугубо свой «проект», не жизнеспособный без о-вещствления свободы (Freiheit), фундаментального экзистенциала.

Высвобождение будущего подвигается работой, которая удовлетворительным образом осмысливается только в ее «экстатическом существе». В начинании, пред-полагающем некий желанный результат. Движимость озабоченностью – опережение самого себя,

¹Здесь и далее курсивом поэзия М. Хайдеггера.

в имени чего-либо «перед собой» как предполагаемое осуществление. То есть и как оставление-сохранение «с собой» некой вещественности, и как покидание-избавление. Забота есть особая требовательность к будущему – чтобы ничто из достойного наличного существа не оказалось на обочине забвения в непристойном беспорядке... «Тогда не хлопотами ли о человеке движима эта наша требовательность к человеческому существу, эта попытка подготовить человека к требованиям бытия?» [4, с. 195].

«Уже Сократ всеми своими силами восставал против надменного презрения к человеческому ради человека и любил напоминать людям о настоящем круге их забот и попечении, вспоминая стих Гомера: важно то, и только то, говорил он, “что хорошо и что плохо у меня в доме”» [8, с. 3].

В человеке изродно бытийствует нечто наподобие инстинкта перманентного домоустройства. Мы безотчетно предаемся ему, когда возвращаемся домой после достаточно долгого отсутствия, и нас захватывает необходимость быстро и хотя бы поверхностно осмотреть его, дабы поскорее убедиться в его состоянии, в наличии приемлемого порядка, в перенесенных и возможных, изменениях, из чего мы выстраиваем свои планы на будущее. Дом взывает к преобразующей активности, будит провидчество и воображение по зову из будущего-бытия. По требованию «подлинного бытия», которое свершается не по внешнему принуждению, но по внутреннему высвобождению. Иначе говоря, «созданием самого себя» в противостоянии спуду тотальности бытия, одичалости в «общезитии», агрессии «неподлинного бытия», дабы чувства-мысль не зашоривалась стереотипами и догматами, непрестанно обогащая самую себя жизнеутверждающим процветанием.

*Как только вещь возникнет
перед нами, и мы в сердцах
услышим мир, мысль расцветет.*

Мысль расцветает, имея пред тем осеменение, произрастание, а после созревания и увядание... Словом, всецело отдается бытийному времени и исполняется экзистенциалом судьба (Schicksal), которым живет всякий Дом, надежное хранилище и оранжерея живого языка смелой мысли.

*У мысли смелость вырастет
от приглашенья Бытия. Тогда
язык судьбы поет.*

...Наконец, экзистенциал контрольный – «речь» (Rade). (Любопытно, что на санскрите

«Рад» – расти, расцветать, а «Радра» – святой). Вещевание Дома-судьбы, понятно, не есть натуральная речь как оглашение, артикуляция. с экзистенциалами «слушание» и «молчание». Как принимать тогда: «в сердцах слышать мир»? Видимо, понимая эту уязвимость языка-речи, Хайдеггер впоследствии выходит на полноту вещевания и смысловыражения. Поэтому жизнь языка толкуется, исходя из его предназначения – обнаруживать (zeigen) себя, приводить к видимости, показывать, что исходит от старогерманского Sagan – «говорить» (sagen). В таком контексте Дом говорит «полной грудью», «в сердцах» – всей палитрой своих чувств-ощущений при слушании-молчании. Потому как всей многовещностью своего существа – скрипом крыльца, упругостью порога, тяжестью стен, подвижностью двери, жаром очага, мягкостью одра, вкусом трапезы, запахом постели, тишиной чулана, прозрачностью окна, свежестью сквозняка... Сюда же сказывается многозначительным помалкиванием пусто-полная чаша, обретая при одомашнении особое звучание-смысл, теплоту и пристойность с экзотическими винами-благовониями и даже с предсказанным подношением цикуты... И это не может не сказаться благотворно на вещевательной жизненности чаши, которая начинает выказывать не только свою стоичную пустоту-наполненность, но и поразит многообразной способностью глаголения, шептания-вопиения: опустошаться-пустеть, наполняться-полниться, сохнуть-иссыхать, лить-изливаться... наконец, уцелевать-разбиваться...

Увещевательный язык Дома доходчив и внятен, поскольку, как и речь, бытийствует благодаря членораздельности звуков-вещей, каждая из которых имеет свое имя-наречение. Умноженные стилем, манерой, вкусом, заботливостью, привычкой, игрой импровизаций и чудачеств домочадца, они обращают Дом в уникальный сказ, художественный факт, поэтическое (пойэсис – греч. творческое создание) откровение, не переводимое ни на какой вербальный язык.

*Не сможет ни один язык
все высказать, что мысль предполагала.*

В таком таинственном ореоле поумолчания бытие и внешне неказистого Дома обретает житнетворную красоту, уподобляемую прекрасному и загадочному звеняще-тишайшему, зримо-осязаемому сосуду и одновременно «огню, мерцающему в сосуде» (Н. Заболоцкий)...

И слуховое молчание его только возбуждает настроенность на понимание его

мистического языка в откровенном собеседовании, ведь «только в подлинной беседе возможно настоящее молчание» [4, с. 28].

Здесь-то в полной мере и выказывается глубинная языковитость молчания как умолчания, недоговоренности и предсказание, что преисполняет всякую символику. И Дом как истый актер умеет держать паузу, заставляя верить, что грядет новый поворот его реально-символической судьбы. И тем возвышает таинство до-после первого крика и последнего вдоха. И все это – благодаря неподдельной поэтике Дома как образа изначального мышления, «Dichtung», поэзии как таковой и творчества вообще. «В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища» [4, с. 192].

«Поэт постигает природу лучше, нежели разум ученого» (Новалис).

Породнение Дома с Проселком. Отсюда еще одно наше вопрошание: почему непосредственно Дом не причислен Хайдеггером к «ладным вещам», подобно чаше, столу, плугу? Они же существуют при Доме, «родные», объединенные в нем-им в качестве сказа, ибо он «способ события, его мелодия» [4].

Впрочем, ее уже было не слышно в какофонии мегаполисов. Видимо, и цунами индустриального, нарочито косноязычного домостроения-урбанистики тревожили, как и всякую мысляще чувственную натуру, заставляя искать спасения от полного ничтожения многоголосой «мирности мира».

*Кричат вороны,
И спешно к городу летят.
Зима на троне,
И Родина зовет назад*

.....

А где нет Родины – там ад

Ф. Ницше

...Последняя запись Хайдеггера в родном Доме все про то же: «...необходимо вдумчивое размышление о том, может ли еще – и если да, то как – в эпоху технизированной однообразной всемирной цивилизации существовать родина» [2, с. 568].

Эта забота ставит перед-вопрошание: «Когда и каким образом придут вещи как вещи?». И оно же выводит на путь возвращения к утраченному истоку. Дому. На единственно-возможный путь – Проселок, неизменный сородич Дома. Не подменное достояние Проселка – способность-призвание одаривать речью-вещеванием «мост... ель и пруд, ключ и холм...». «Все, что обитает вокруг проселка, он собирает в свои закрома, уделяя

всякому идущему положенное ему»². Словно, заботливый домочадец находит вещам-пожиткам свое место-имя и предназначение.

Зов Проселка утешительный и «отчетливо внятен». «Говорит ли то душа? Или мир? Или Бог?» Но если прислушаться, вдумчиво воображая, то все в-месте – на Проселке, который не ставит, но ведет – за-ставляет, вы-ставляет, на-ставляет, подобно мудрому и немногословному гуру, на путь понимания. Этот неподвластный уразумению феномен подвигает мифологизацию, обожествление чудотворного говорения-вещевания. «Бог заставляя нас говорить... Он есть сила, которая в нужное время заставляя нас говорить и слушать...» [13, с. 204]. Исключительно жизненная сила, не имеющая трагических разрывов в культуре языка, обращенной к истине, морали, красоте. Ведь в отличие от «скудоумия животных» (Хайдеггер) человек богатоумием строит свой Дом-мир, согласно хрестоматийному утверждению К. Маркса «еще и по законам красоты». Правда, неведом их свод, но суть априори сводится к исканиям-проявлениям творческой жизни в ауре возвышенного над суетой-сует.

«Кто не живет в возвышенном, как дома, тот воспринимает возвышенное как нечто жуткое и фальшивое» (Ф. Ницше).

От Бытия к Житию. Проселок движим именно таковой силой, метафизически обговаривая «землю и небо, божества и смертных» вокруг – в Доме, «жилище самого человека», месте, где «обитает истина бытия». А оно исполняется наиболее сокровенным для человека, душевно-духовным восхождением жизни-жизненности не к бытию-экзистенции, но к Житию, только и способному алкать свободу, творить судьбу, провозглашая свою жизнь святостью и неизбывной тайной. В этой домовитой среде человек уже отнюдь не секуляризованный жилец, постоялец-съемщик, но путник из вольера проживания на вольность переживания, по ниве «культуро-жизни» в духовную ойкумену культуры. Собственно о ней, находящейся по одну сторону с добро-злом, так отчаянно, до буквально-фигурального умопомрачения увещевал мыслитель-лирик:

«Все переживания светились, иначе, ибо некое Божество просвечивало из них. Мы заново окрасили вещи, мы непрестанно малюем их – но куда нам все еще до красочного великолепия того старого мастера! – я разумею древнее человечество» [14, с. 604].

То же разумение преисполняет Проселок, высветляя смысл его жданно-нежданых изворотов-инверсий.

²Здесь и далее жирным слова и фразы из «Проселка» М. Хайдеггера.

«От распятия, стоящего в поле, она сворачивает к лесу». От культа мученичества и вытравливания права на ересь (древнегреч. выбор, направление). Ибо искони *«настоятельный зов проселка пробуждает в людях вольнолюбие – оно чтит просторы...»*, которые открываются исключительно в житии-вопросании. Вопросание – естество человека, его самоценность. «Человек обязан вопрошать, это принадлежит к его существу» [15, с. 6]. К существу, которое вопрошает навстречу высвобождению.

«Самый болезненный и мучительный вопрос, исходящий из глубины сердца: где мне почувствовать себя дома?» (А. Камю).

Где найти подходящее, достойное слово, ладный язык, которым исполняется наше Житие как путь-странствие? Поэтому мы предпочитаем доподлинное изъяснение, не на языке, который есть-существуют, но на живом-жизнейском языке. Для этого всякий раз заново бесстрашно открываем двери-ставни Дома. «Человек должен, прежде чем говорить, снова открыться для требования бытия с риском того, что ему мало или редко что удастся говорить в ответ на это требование. Только так слову снова будет подарена драгоценность его существа, а человеку – кров для обитания в истине бытия». Посему забота Проселком возвращает к житейской ДОМинанте. «На что же еще направлена «забота», как не на возвращение человека его существу?» [4, с. 195].

Куда же мы идем?

Всякий путь ведет домой.

(Новалис)

Дабы одарить вселением – умиротворением и уверенностью.

«Я в своем доме и мне точно известны все его ходы и направления» (Ф. Кафка «Нора»).

Всей своей житейской мудростью Проселок проникновенно возвещает об отказе, что не отнимает, но одаривает *«неисчерпаемой силой простоты»* и тем *«поселяет в длинной цепи истока»*. Подвигает свернуть с наторенных и заасфальтированных магистралей к естеству Жития, к его вопрошающему достоинству. «Странствие по пути к достойному вопрошанию – не авантюра, а возвращение домой» [16, с. 15]. Под его сени-кров к наслаждению от-кровением неисчерпаемой поэтической тайны.

«Поэзия – явление сугубо индивидуальное, и поэтому ее невозможно ни описать, ни дать ей определение» (Новалис).

Посему Проселок и *«сворачивает к лесу»*. По «неведомым дорожкам», по следам «невиданных» существ, к мифическим чудесам

«избушек на курьих ножках» – к облюбованной сказаниям-сказкам «Хижине» – к прародине мысли-поэзии.

К ней вожделенно и отправилась бездомная человеческая первопара, которую Творец осторожно заставлял говорить, но выучил лишь называть-нарекать «всякую душу живую», что он «образовал из земли». Адам-Ева сами стали «как боги», благодаря действительному вопрошанию под приснопамятным Древом. Так и покинули без оторопи, но поторапливаясь, молчаливый, скучно-немой Эдем, направляясь напрямиком по языковой целине творить свой собственный мир, оживляя его жилищами-тропами, образами-символами, поэзией-любовью.

*Глухими тропами, среди густой травы,
Уйду бродить я голубыми вечерами;*

.....

Мне бесконечная любовь наполнит грудь.

Но буду я молчать и все слова забуду.

*Я, как цыган, уйду – все дальше, дальше в путь!
И словно с женщиной, с Природой счастлив буду.*

А. Рембо. «Предчувствие

«Верных показателей культуры так мало, что человек должен радоваться, если он имеет хоть один несомненный признак, которым может руководствоваться в домашнем обиходе и при культивировании своего сада» [8, с. 44].

Итоговое свидетельство Жития. ...Итак, язык охватывает не только то *«пространство, внутри которого человек способен соответствовать бытию и его требованиям»*, но и время, внутри которого человек исполняется Житием, по зову его и чувствуя-ведая про то.

Дом с пожизненно сращенным Проселком вбирают всю экзистенциально-феноменальную событийность, привнося в мир достойное, внятное про-воз-глашение. Языком синергетики, органично вживляя друг в друга бытие-становление, существование-осуществление, наполнение – исполнение... В грамматике всякого словесно-понятийного языка эта изродная сращенность выражена сопутствием существительного-глагола. Поэтому есть основание назвать подобный фундаментальный «тандем» метаэкзистенциалом.

Тогда Бытие-Время и есть подлинное Житие. И как достояние отдельного человека-в-мире, и как его жизнеописание. Ибо только оно возвышает существование здесь-и-сейчас, и растворяется в священной, неизбывно-бессмертной тайне везде-и-всегда... Поскольку «вещи как вещи» не приходят без «бодрствования смертных», без вовлечения «объясняющей мысли в памятьливую мысль».

*Старейшие идут за нами
в наших мыслях, но первыми
их встретим на пути.
Вот почему мысль держится
за прошлое и память.*

«Светлая радость ведения цветет в воздухе проселка» потому, что искони придомашненный Проселок освобождает от угрозы «опредмечивания», отчуждения, одиночества, оторванности от божественной духовности. При нем фатально не обесцвечивается, не замолкает, не тонет в конечности, «забвении бытия» «жизненный мир» (*Lebenswelt*), который для Э. Гуссерля, учителя Хайдеггера, есть мир всех его и предстает не просто как здесь-сущий, но как горизонт именно моего бытия, моего исполнения-осуществления. Это, по сути, «горизонт всех горизонтов», конкретный мир, реальность, которая нас окружает и пространственно включает в себя.

Житие же – горизонт всевременных горизонтов, ибо осуществляется не только в «стенах» Дома, что и обеспечивает его уникальность и, следовательно, неслучайность.

Если жизнь не имеет заранее данного, открытого смысла, Житие преисполнено им, правда, неизменно покрытым вуалью «человеческой, слишком человеческой» (Ф. Ницше), божественной тайны, не обремененной скудоумной видимостью-очевидностью.

Неистошима «светлая радость ведения», навеваемая Проселком, – только с ним неведом страх смерти-конечности. В его безначальноконечности, убегающей за горизонт ведения, смерть не противопоставляется бытию в качестве небытия. Но принимается освященным Житием его присущностью как сугубо лично-интимное событие, как подлинное «бытие перед лицом смерти». Он источает надежду возвращения к сугубо своему истоку – к житию-бытию Дома, хранящего на своем пороге и последний вздох-шаг, и первый шаг-крик...

И чтобы не заблудиться на этом возобновляющем приходе, сразу за распутьем, близ опушки леса Проселок «привечает высокий дуб, под которым стоит грубо сколоченная скамья».

*...В пути скитаний длинном,
Случайный гость чужой семьи,
Забрел он в сад. В саду пустынном,
На ветхом мраморе скамьи –
Лежала книга. Златом схвачен
Полуистлевший переплет.
Раскрыл: душе глагол прозрачен,
И нов божественный полет.*

(Новалис)

«Глагол прозрачный», проникающий в душу, присущ разве что книге изречений Жития, как «благая весть», евангелие, что Творец не мертв, но ранен-приболел излечимо...

«С годами дуб... все чаще уводит к воспоминаниям детских игр и первых попыток выбора», словно некогда-давеча ветхозаветное Древо Жизни-Познания, или, одним словом, Жития... На его просторах творяне, мыслители-поэты строят свой Дом, к которому не нарастает житейская тропа.

...Как и Фридрих Ницше, упокоенный рядом с родными, Мартин Хайдеггер кротко приклонил свое Житие у родного Дома-истока, будучи, по завещанию, похороненным между отцом и матерью. Возле, пред-за воротами вешего Проселка, в проеме Культуры с прямой речью оглашений, писаний, искусств – во всех интонациях и умолчаниях воли к жизни-власти вопрошаний, возвышающих Тайну.

ЛИТЕРАТУРА

- Гадамер, Г.-Г. Язык и понимание / Г.-Г. Гадамер // Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С. 43–60.
- Сафрански, Р. Хайдеггер: германский мастер и его время / Р. Сафрански; пер. с нем. Т.А. Баскаковой при участии В.А. Брун-Цехового; вступ. ст. В.В. Библихина. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 614 с.
- Шлейермахер, Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер; пер. с нем. А.Л. Вольского; науч. ред. Н.О. Гучинская. – СПб.: Европейский Дом, 2004. – 242 с.
- Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М., 1997. – 451 с.
- Хайдеггер, М. Феноменологические интерпретации Аристотеля (экспозиция герменевтической ситуации) / М. Хайдеггер. – СПб., 2012. – 224 с.
- Юнг, К.Г. Об отношении аналитической психологии к произведениям художественной литературы / К.Г. Юнг // Проблемы души нашего времени / К.Г. Юнг; пер. с нем. А.М. Боковой. – М.: Академический проект, 2007. – 60 с.
- Хайдеггер, М. Язык / М. Хайдеггер. – СПб.: ЭЙДОС, 1991. – 20 с.
- Ницше, Ф. Странник и его тень [Электронный ресурс] / Ф. Ницше. – Режим доступа: Royallib.com Royallib.ru. – Дата доступа: 29.12.2020.
- Ницше, Ф. Веселая наука / Ф. Ницше. – Харьков: Фолио, 2010. – 140 с.
- Хайдеггер, М. Слова Ницше «Бог мертв» / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 1990. – № 7. – С. 143–176.
- Ставцев, С.Н. Введение в философию Хайдеггера / С.Н. Ставцев. – СПб., 2000. – 192 с.
- Уайтхед, А. Избранные работы по философии: пер. с англ. / А. Уайтхед. – М.: Прогресс, 1990. – 380 с.
- Розеншток-Хюсси, О. Бог заставляет нас говорить / О. Розеншток-Хюсси. – М.: Канон+, 1997. – 288 с.
- Ницше, Ф. Соч. в двух томах / Ф. Ницше. – Т. 1. – М., 1990.
- Корет, Э. Основы метафизики / Э. Корет. – Киев: Тандем, 1998. – 127 с.
- Хайдеггер, М. Наука и осмысление: пер. на рус. яз. / М. Хайдеггер // Библихин, В.В. Новая технократическая волна на Западе: сб. ст. / В.В. Библихин. – М., 1986. – 25 с.

Поступила в редакцию 12.01.2021